

1.14. ЧТО ЗНАЧИТ ПРИНЦИП «СВОБОДЫ ДОГОВОРА» ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РФ?

Ульянищев В.Г., канд. юрид. наук. Должность: доцент. Место работы: Российский университет дружбы народов. Подразделение: кафедра гражданского и трудового права. E-mail: kafedra_gtp@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой анализ действительного значения «принципа свободы договора» в реальных условиях монополизированного рынка. Автор изучает исторические и практические аспекты развития проблемы принципа «свободы договора» в России. Исследует понимание и влияние данного принципа в рамках современной экономической системы, рассматривает полноту отражения формулировки базового принципа гражданского права действительные потребности правового регулирования сложившихся социально-экономических реалий. В работе приводится детальный беглый обзор ведущих кодификаций за 200 лет, что позволяет прийти автору к обоснованному выводу о том, что декларация «принципа свободы договора» является исключением из общего умолчания, имеющим очевидную цель указать на ограничения этой «свободы», существует две модели ограничения договорной свободы.

Статья представляет несомненный интерес не только как теоретическое исследование. Материалы статьи будут полезны в практической работе.

Ключевые слова: принципы права, договорная свобода, убыточность, юридическое равенство, экономическая зависимость, эксплуатация, договор присоединения.

WHAT REALLY MEANS THE PRINCIPLE OF "THE FREEDOM OF CONTRACT" FOR THE CIVIL LAW OF RF?

Ulianishev V.G., PhD at law. Position: Associate Professor. Place of employment: Peoples' Friendship University of Russia. Department: Civil and Labor law chair. E-mail: kafedra_gtp@mail.ru

Annotation: This article presents the analyses of the real impact of the principle of "the freedom of contract" upon social conditions in totally monopolized markets.

The author examines the historical and practical aspects of the problem of the principle of "freedom of contract" in Russia. It explores the understanding and influence of this principle in the framework of the current economic system, considering the completeness of the wording the basic principle of civil law legal regulation of the real needs of the prevailing socio-economic realities. The paper provides a detailed overview of the leading codification for 200 years, which allows you to come to the author to the reasonable conclusion that the declaration "the freedom of the contract" is an exception to the general silence, having the obvious purpose to point out the limitations of this "freedom", there are two contractual constraints model freedom.

This article is of great interest not only as a theoretical study. Article Submissions will be useful in practice.

Keywords: legal principles, contractual freedom, lesion, juridical equality, economic dependence, exploitation, contract of adhesion.

С начала 90-х годов можно было наблюдать изменение представлений экономистов, деловых людей, юристов о договоре, договорной дисциплине и т.п.

Законы того времени: «О предприятиях и предпринимательской деятельности», «О собственности в РСФСР» (все – 1990 г.), а еще ранее – закон СССР «О кооперации» (1988 г.) предполагали развертывание некоторой «свободы» хозяйственной деятельности, раскрытия инициативы и делового потенциала населения. В 1995-96 г. это первоначальное «рыночное» законодательство было заменено ГК РФ (частями первой и второй), была проведена массовая приватизация; как будто сложились материальные предпосылки и юридические рамки для предпринимательской деятельности.

В действительности, к концу 90-х годов возникла олигархическая, корпоративно-бюрократическая система управления экономикой. Понятно, что именно бенефициары этой системы заинтересованы были в таком законодательстве, которое в полной мере обеспечивало бы их интересы, в том числе и в области договорного права. Но ведь право как системный регулятор должно соответствовать некоторым объективным требованиям реально сложившихся условий хозяйства, обычаев общения людей, приличий, почтения традиций и т.д. Отражение в праве интересов отдельного избранного класса неизбежно влечет искажение правопорядка.

Договорное право – по природе своей – обеспечивает (или должно обеспечивать) стабильный и добросовестный оборот материальных и иных ценностей; собственно рынок представляет собой беспредельную совокупность самых разнообразных сделок (договоров), юридически опосредующих глобальное производство и потребление товаров, услуг, капиталов. В целом, эта система базируется на общих принципах; к таковым следует отнести универсальный принцип «святости договора»¹; к нему примыкают исключения из него («оговорка о неизменности обстоятельств»²) и разнообразные более частные начала, составляющие «каркас» договорного права.

Какое место в ряду этих начал занимает принцип свободы договора, столь широко заявленный в части первой ГК РФ? Какое действительное значение его в хозяйственной практике и юридическом быту современной России?

Несомненно, его первостепенное значение в новом гражданском законодательстве является данью давней либеральной традиции. Еще в 1915 (1917) г. известный русский цивилист И.А. Покровский писал: «Всякий договор является осуществлением частной автономии, осуществлением той активной свободы, которая составляет необходимое предположение самого гражданского права. Вследствие этого верховным началом во всей этой области является принцип договорной свободы. Вместе с началом частной собственности этот принцип служит одним из краеугольных камней всего современного гражданского строя»³.

Но именно в нашей стране этот принцип не только не был легально сформулирован, но попросту отвергался самим существом социалистического планового хозяйствования.⁴ Изменение экономического строя в на-

¹ Pacta sunt servanda – всякое соглашение должно быть исполнено.

² Clausula rebus sic stantibus – условия договора обязательны только при неизменности обстоятельств.

³ И.А. Покровский. Основные проблемы гражданского права. М., «Статут», 1998 г., с. 149-150

⁴ См., напр., рассуждения о «сложном юридическом составе», как о несовместимом сочетании товарно-денежных отношений (договора) с административно-правовой формой (планом) как «одной из причин застойных явлений в нашей экономике» – Гра-

чале 90-х годов послужило основанием для включения этого принципа в гражданский кодекс как одного из основополагающих начал; но только центрального принципа договорного права, но и отраслевого принципа, на котором базируются главные характеристики современного гражданского (торгового) оборота в России. Он воспринимается как несомненное и непрекращаемое достижение отечественной цивилистики. Появление соответствующей формулировки в ст. 1 ГК РФ было встречено с явным одобрением.⁵

Напомним главные его констатации: ч.1 ст. 1 ГК РФ: «Гражданское законодательство основывается на признании...свободы договора»; ст. 421 ГК РФ: «Граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством» (далее раскрывается содержание этого общего правила).

Данное содержание профессор Е.А. Суханов сводит к следующим трем пунктам: 1) свобода заключения договора и отсутствие понуждения к вступлению в договор; 2) свобода определения характера заключаемого договора (в т.ч. возможность заключать смешанные договоры); 3) свобода определения условий (содержания) договора.⁶ Этими свободами и ограничивается формулировка базового принципа гражданского права России. Возникает вопрос: отражает ли именно такая формулировка действительные потребности правового регулирования сложившихся социально-экономических реалий? Не является ли приведенный реестр свобод чрезмерно односторонним подходом законодателя к решению чрезвычайно сложной проблемы сбалансированного учета частных и общих (социальных) интересов, сталкивающихся и переплетающихся в современном хозяйственном быту?

Обратимся вновь к сочинению И.А. Покровского. Уже в начале XX столетия выдающийся исследователь предупреждал, рассуждая о принципе договорной свободы: «...эта свобода не может быть безграничной...Известные ограничения принципа договорной свободы неизбежны, и весь вопрос заключается только в том, как далеко они могут идти и в каких терминах они могут быть выражены. А это раскрывает перед нами новую и чрезвычайно трудную проблему – быть может, одну из самых труднейших проблем всего гражданского права»⁷

Думается, эта проблема может быть сформулирована в следующих вопросах: где проходит граница между частной свободой и общественным (публичным, государственным) интересом? И далее, применительно к договорному праву: должен ли законодатель формулировать свободы усмотрения субъектов или фиксировать рамки этих свобод с целью формирования не-

стесненного, но вполне цивилизованного гражданского оборота, основанного на началах добросовестности и социальной справедливости?

В зависимости от ответов на поставленные вопросы только и можно сделать обоснованный вывод о том, является ли наше законодательство в рассматриваемой области адекватным тем вызовам, которые предъявляются реальной действительностью.

Каковы эти вызовы? Это те громадные и многочисленные проблемы, которые возникли и непрерывно возникают в связи с общественно-хозяйственными переменами, которые одолевают человечество в последнее столетие. Какой-то более или менее обоснованный их перечень может быть результатом самостоятельного комплексного исследования; такое нам не под силу, да и выходит за рамки заявленной темы. Нас интересует обозначение тех главных процессов, которые объективно изменяют соотношение интересов субъектов оборота и тем самым образуют новые юридические конфигурации.⁸

К таким решающим факторам, на наш взгляд, относятся два: монополизация национальных рынков (достигшая степени глобализации экономики) и – трансформация традиционалистского и даже «социального» сообщества в «общество потребления».

В области гражданского оборота (в сфере договорного права) эти тотальные факторы создали следующие социально-экономические диспропорции: 1) резкое ограничение пространства свободно заключаемых договоров и – 2) разделение общества на две неравные (по численности и по экономическим возможностям) страты – «потребителей» и «профессионалов».

Указанные диспропорции повлекли за собой более частные и чисто юридические последствия.

Монополизация рынков привела экономику в такое состояние, когда большое количество субъектов вынуждены подчиниться «диктату» монополиста (относительно цены, качества предмета предоставления, иных условий предоставления), вступая с ним в необходимое соглашение; ни о какой автономии воли речи быть не может. Разделение участников оборота на «профессионалов» и «потребителей» еще более усугубило проблему: теперь только профессиональный участник рынка (финансовая организация, туроператор, телекоммуникационная компания, страховщик и пр.) вырабатывает условия предоставления соответствующего «продукта»; «потребитель» не может в этом участвовать во-первых из-за своей неосведомленности, а во-вторых ввиду своей многочисленности. Складывается положение, при котором громадные сегменты рынка объективно не допускают возможности переговоров о заключении договора. О какой свободе можно говорить?

Все это вызывает в гражданском обороте серьезные социальные и юридические последствия. Во-первых, при иллюзорной «свободе» поведения участников оборота, монополист (либо «профессиональный участник рынка») навязывает такие условия соглашения контрагенту, которые ставят его в зависимое положение, в положение экономической эксплуатации: юридическое равенство субъектов вырождается в настоящие экономические неравенства. Во-вторых, возникает феномен «договора присоединения», чисто юридическое явление как следствие экономического

жданское право/ под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого, издание третье, М., 1998 г.Изд. Проспект, часть 1, с.491-492

⁵ См. Гражданское право./под ред. Е.А. Суханова. Москва 2000, Изд. БЕК, Том II Полутом 1, 2-е издание, с.153: «...заключение договора и формирование его условий по общему правилу должно носить добровольный характер, базирующийся исключительно на соглашении сторон и и определяемый их частными интересами. На этой основе формируется одно из основополагающих начал частноправового регулирования – принцип свободы договора (п. 1 ст. 1 ГК), который по своему социально-экономическому значению стоит в одном ряду с принципом признания и неприкосновенности частной собственности» (автор – Е.А. Суханов).

⁶ Там же., с. 153-155

⁷ Цит соч., с. 251

⁸ Для более внимательного рассмотрения проблемы следует обратиться к книге из серии «Классика российской цивилистики»: М.И. Кулагин. Избранные труды. М., «Статут», 1997 г., с. 257-279

(фактического) неравенства участников оборота. Не случайно в ряде последних кодификаций появляются понятия, отражающие эти объективные явления. Так, в ГК провинции Квебек 1991 г. на первое место ставится подразделение договоров на «договоры присоединения и договоры по взаимному согласию» (ч. 2 ст. 1378)⁹ и первые, согласно определению, принципиально «не допускают согласования сторонами; но это ведь отражение некой объективной реальности, ничего подобного мы не обнаруживаем в кодексах XIX в. – начала XX в.

Право не в состоянии «упразднить» указанные объективные социально-экономические диспропорции. Но оно обязано минимизировать юридические последствия этих диспропорций. «В юридической литературе высказывается мнение, что задача современного права – не в поддержании свободы договора как некоей юридической ценности, а в том, чтобы на практике осуществлять договорную справедливость, защищать интересы более слабой стороны в договоре, обязывать партнеров учитывать интересы друг друга и побуждать их строить свои отношения на основе сотрудничества и добросовестности»¹⁰.

Но ведь это высказывание содержит идею, противоположную простой декларации договорной свободы; в нем обнаруживается потребность установления социально приемлемых рамок ограничения этой свободы.

Итак, свобода договора признается в отечественном правоведении базовым принципом либеральной рыночной экономики; но поскольку история рыночного хозяйствования в нашей стране в XX в. слишком непродолжительна, думается, следует познаться с законодательным опытом тех государств, которые формировали и поддерживали рыночную модель экономики на протяжении столетий. ФГК 1804 г. не содержит никакого упоминания о «свободе договора»; главный акцент во «Вводных постановлениях» о договорном праве (ст. 1101 - 1107) делается на определении договора и описании различных видов договоров; далее речь идет «о существующих условиях действительности соглашений»; при этом наряду с известными и в нашем правовом порядке условиями действительности сделок формулируется положение об «убыточности» как таком пороке соглашения, которое не имеет универсального значения, но рассматривается лишь в определенных случаях.¹¹ Важно, что «убыточность» как порок соглашения является, очевидно, ограничением «свободы договора». Нет определения «свободы договора» и в ГГУ 1896 г. Зато в разделе «Договор» (где содержатся самые общие положения о заключении договора) имеется правило, касающееся определения содержания договорного соглашения, в котором просматривается скорее ограничение воли сторон, нежели предоставления им полной свободы при заключении договора: «договоры следует толковать по доброй совести, принимая во внимание обычаи оборота». Этот принцип ограничения усмотрения субъектов соображениями добросовестности обнаруживается и в другом общем положении, касающемся исполнения

любого обязательства: «должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота».

Эти общие положения об ограничительных механизмах принципа добросовестности традиционны для германского правового порядка и вполне апробированы судебной практикой. Но в настоящее время в ГГУ инкорпорированы новые конкретные и многочисленные ограничительные положения, выработанные в рамках гармонизации Европейского договорного права. Имеются ввиду современные принципы и правила, содержащиеся в Директиве 93/13/EWG Европейского Парламента и Союза от 5 апреля 1993 г. «О недозволенных оговорках в потребительских договорах». Речь идет о нормативном материале, содержащемся в §§ 305–310, где устанавливаются последствия заключения договоров с использованием так называемых «общих условий сделок».¹²

Обратимся к следующему по времени разработке и также весьма авторитетному закону – Швейцарскому ГК 1911. В общих положениях об обязательствах из договора (ст. 1-40) нет никакого упоминания о «свободе договора»; приводится определение договора, правила о заключении договоров и правила об условиях действительности договорного соглашения. Среди этих правил обнаруживаем уже знакомую по ФГК 1804 г. норму об «убыточности» договора, которой швейцарский законодатель сообщил значение достаточно общего основания для признания недействительными «убыточных» возмездных меновых соглашений.¹³

И только в ГК Италии 1942 г. обнаруживается статья с названием, напоминающим название ст. 421 ГК РФ – «договорная автономия». Однако в итальянском законе акцент сделан скорее на определении общих границ этой «автономии», нежели чем на предоставлении сторонам полного усмотрения при формировании договорного обязательства.¹⁴

Обнаруживается очевидная тенденция для «классических кодификаций» (начала и конца XIX в.) и для авторитетных кодификаций начала и середины XX столетия: законодатель избегает деклараций о «свободе договора» и, напротив, формулирует более мягкие или более жесткие правила, ограничивающие эту свободу, если она может привести к ущемлению интересов одной из сторон договора, к обогащению одной стороны за счет неопытности, легкомыслия или стесненного положения другой стороны.

Если же рассмотреть кодификации конца XX в. (ГК провинции Квебек 1991 г., Бразильский ГК 2002), то есть законодательство, которое формировалось практически одновременно с новейшим российским законодательством, то отмеченная тенденция прослеживается и в них, хотя есть и свои особенности. Так в ГК провинции Квебек (общие положения о договорах: ст.ст. 1378 - 1384) отсутствует упоминание о «свободе договора», но в полной мере используется конструкция «убыточности» договора (ст.ст. 1399, 1406); но также устанавливаются правила о недействительности

⁹ 1378. Contracts may be divided into contracts of adhesion and contracts by mutual agreement...

¹⁰ 1379. A contract of adhesion is a contract in which the essential stipulations were imposed or drawn up by one of the parties, on his behalf or upon his instructions, and were not negotiable.

¹¹ Гражданское и торговое право зарубежных государств/ под ред. Е.А. Васильева и А.С. Комарова I том, м., 2004., с. 526

¹² Ст. 1118. Убыточность опорочивает соглашение, содержащееся лишь в некоторых договорах или заключенные некоторыми лицами.

¹³ Речь идет о применении условий договора в соответствии с германским Законом об общих условиях сделок от 9 декабря 1976 г.

¹⁴ Art. 21 Lesion. En cas de disproportion evidente entre la prestation promise, par l'une des parties et la contre-prestation de l'autre, la partie leseee peut, dans le delai, d'un an, declarer qu'elle resilie le contrat et repeater ce qu'elle a paye, si la le lesion a ete determinee par l'exploitation de sa gene, de sa legerete ou de son inexperience.

¹⁵ 1322. Autonomia contrattuale. Le part possono libramente determinare il contento del contratto nei limiti imposti dalla legge (e dale norme corporative).

договоров ввиду незаконности их основания (cause of contract) и «объекта» (object of contract - говоря привычным нам языком – содержания обязательства).¹⁵

Бразильский законодатель, как и итальянский, упоминает о «свободе договора», но только с целью установления границ этой свободы: «свобода заключать договор может быть осуществлена только посредством и в пределах социальной функции договора». ¹⁶ Как видим, совершенно новый взгляд на рассматриваемую проблему: «свобода договора» имеет не только юридические ограничения (итальянская модель), но и ограничения социальные (бразильская модель).

Даже этот беглый обзор ведущих кодификаций за 200 лет дает основание для следующих выводов: 1) декларация «принципа свободы договора» является крайностью, исключением из общего умолчания об этом предмете, имеющим очевидную цель указать на ограничения этой «свободы» (ГК Италии и Бразилии); 2) повсеместно законодатель формулирует механизмы ограничения договорной свободы; 3) при этом используются две модели установления таких ограничений (порознь или одновременно): модель убыточности договора для одной из сторон, как основание для признания сделки недействительной и модель формирования специального законодательства, нацеленного на недопустимость таких соглашений, в которых проявляется неравенство договорных позиций, ущемление интересов контрагента, несправедливость.

Убыточность договора (lesion – написание одинаковое во французском и английском языках). Убыточность, как основание для признания сделки недействительной впервые упоминается в ст. 1118 ФГК; но здесь эта конструкция имеет скорее исключительный характер: применяется лишь в отношении отдельных договоров (купли-продажи) и для защиты интересов отдельных субъектов (несовершеннолетних и нуждающихся в юридической защите). Думается, что сама идея есть результат добротного понимания римского права, в котором, в период позднего императорского законодательства возникла конструкция признания договора недействительным ввиду его «чрезмерной убыточности» для одной из сторон (laesio enormis)¹⁷.

Далее происходит развитие этой конструкции. Швейцарская конфедерация, страна, мало приверженная римскому праву, подхватывает идею ГК французоз, дает ей содержательное определение и сообщает характер почти универсального правила (если угодно, принципа ограничения договорной свободы); вот как об этом говорит ст.21 ШГК (см. французский подлинник выше): «В случае очевидного несоответствия предлагаемых предоставлений между одной и другой сторонами, сторона потерпевшая убыток, вправе требовать признания договора недействительным и возмещения причиненных этим убытков, если убыточность имеет характер эксплуатации человека в силу его юридической неосведомленности или неопытности».

¹⁵ 1411. A contract whose cause is prohibited by law or contrary to public order is null.

¹⁴ 1413. A contract whose object is prohibited by law or contrary to public order is null.

¹⁶ Art. 421. A liberdade de contrar sera exercida em razao e nos limites da funcao social do contrato.

¹⁷ Laesio (лат) – повреждение, нарушение, ущерб, ранение; по-видимому эдикты о laesio enormis появились при Диоклетиане, во-первых, ввиду нарастания всеобщего кризиса Империи, во-вторых, по причине энергичных усилий этого императора преодолеть кризис.

Этот механизм «убыточности» в конце XX в. развивает законодатель провинции Квебек, придав соответствующим определениям юридический полноценный и действительно универсальный характер¹⁸: «1399. Согласие может быть только свободным и осознанным. Оно может быть опорочено ошибкой, страхом или убыточностью. 1406. Убыточность налицо тогда, когда имеет место эксплуатация одной стороны другой, что создает серьезную диспропорцию между предоставлениями сторон; тот факт, что налицо серьезная диспропорция образует презумпцию эксплуатации».

Специальное законодательство, ограничивающее договорную свободу. В данном случае имеется в виду результат реформ, происходивших в законодательстве индустриально развитых стран с начала 70-х годов (Швеции, ФРГ, Франции, Италии, Нидерландов, США и т.д.). Разработанные в рамках ее законы имели разное название (о недобросовестных договорных условиях, о защите потребителей, об общих договорных условиях и пр.)¹⁹ Главная идея этого законодательства – установление эффективного контроля над «стандартными формами», «общими условиями», «формулярами», в которых закрепляются договоры присоединения, а также потребительские договоры. Основной механизм такого контроля – императивное объявление недействительными односторонних, недобросовестных, несправедливых условий таких договоров.

Очевидно, что такое законодательство демонстрирует открытое ограничение пресловутой договорной свободы, но вызвано оно объективно необходимой защитой интересов той стороны, которая страдает от произвола монополистов и других профессиональных участников рынка.

Распространение соответствующих представлений привело к реформированию договорного права Европейского Союза в начале 90-х годов; в рамках реформы (о чем упоминалось выше) была принята Директива 93/13/EWG Европейского Парламента и Союза от 5 апреля 1993 г. «О недозволенных оговорках в потребительских договорах».

Как видим, тенденция ограничения свободного усмотрения одной стороны в ущерб другой стороны договора приобрела универсальный характер и в ее рамках право разработало соответствующие механизмы.

К сожалению, указанная тенденция не находит проявления в отечественном законодательстве.²⁰

Проведенное исследование, представляется, приводит к следующим выводам.

Декларирование принципа свободы договора в ст. 1 и 421 ГК РФ явилось не столько юридическим, сколько политико-идеологическим заявлением об отказе от плановой экономики и замены ее рыночной.

¹⁸ 1399. Consent may be given only in a free and enlightened manner. It may be vitiated by error, fear or lesion.

¹⁴⁰⁶ Lesion results from the exploitation of one of the parties by the other, which creates a serious disproportion between the prestations of the parties; the fact that there is a serious disproportion creates a presumption of exploitation

¹⁹ Подробнее см.: М.И. Кулагин. Избранные труды. М. «Статут», 1997 г., с. 267-271

²⁰ Справедливости ради следует отметить, что авторы авторитетной монографии «Договорное право. Общие положения». М., 1998 г. обращают внимание на необходимость определенных ограничений договорной свободы (с. 125-132); однако, представляется, что в своих рассуждениях они опираются на частные традиционные институты (недействительность сделок) либо на косвенные механизмы (антимонопольное законодательство, лицензирование определенных видов деятельности), тогда как речь идет о формировании универсального механизма защиты интересов «слабой» стоны договора.

Односторонняя формулировка этого «принципа» (объявление «свобод» без указания рамок их реализации) не отражает сложившихся социально-экономических реалий и, в силу этого, не в состоянии обеспечить адекватного регулирования гражданского оборота на началах всемерного учета интересов всех его субъектов, добросовестности их поведения и социальной справедливости.

Отечественному законодателю следует обратить внимание на те реформы договорного права индустриально развитых стран, которые происходили в 70 - 90-е годы и в той или иной степени использовать их результаты для совершенствования договорного права РФ.

Список литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., «Статут», 1998 г.
2. Гражданское право/ под ред. А.П. Сергеева и Ю. К. Толстого, Издание 3-е, М., 1998 г.
3. Гражданское право/ под ред. Е.А. Суханова, Изд. «БЕК», М., 2000 г.
4. Гражданское и торговое право зарубежных государств/ под ред. Е.А. Васильева и А.С. Комарова. М., 2004 г.
5. Гражданское уложение Германии. М., «Волтер и Клувер», 2008 г.
6. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических государств. М., Изд. УДН, 1996 г.
7. Code des obligations de Swiss. Berne, 2004
8. Codice civile e leggi complementari. Napoli, 2003
9. Codigo civil constitucao Federal e legislacao complementar. Buenos Aires, 2002

Рецензия

На статью: «Что значит принцип «свободы договора» для гражданского права РФ?» кандидата юридических наук, доцента кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов Ульянищева В.Г.

В последнее время юридическая наука практически не занимается теоретическими вопросами, что несомненно мешает системному подходу к развитию законодательства и совершенствованию правоприменения, представленная статья кандидата юридических наук, доцента кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов Ульянищева В.Г. является, безусловно важным и значимым вкладом в теоретическое осмысление основополагающих принципов гражданского права. Принцип свободы договора определен в п 1 ст 1 ГК РФ как один из базовых начал гражданского законодательства. В условиях рыночной экономики это основополагающий принцип обеспечивающий возможность участникам рыночных отношений осуществлять свободы волеизъявления. Но обеспечивается ли на практике законодательно закрепленная свобода договора, как в практической деятельности реализуется этот принцип? На сколько, существующая формулировка «свободы договора», обеспечивает реализацию действительных потребностей правового регулирования сложившихся социально-экономических отношений? Реализация принципа свободы договора способна в действительности обеспечить баланс учета частных и общих (социальных) интересов, сталкивающихся и переплетающихся в условиях современной рыночной экономики? На все эти, несомненно, непростые вопросы, автор пытается дать обоснованные аргументированные от-

веты. Безусловным плюсом работы является обращение автора к зарубежному опыту. Полный обзор кодифицированных актов европейских стран, директив ЕС позволяет проследить тенденции развития принципа «свободы договора» в европейских законодательных актах на протяжении длительного периода, выявить основные тенденции развития.

Методологическую основу представленной работы составляют такие общенаучные методы, как анализ, дедукция, системный подход, сравнение, частнонаучные методы - историко-правовой и сравнительно-правовой, что позволяет признать работу научно обоснованной, а сделанные выводы полными и аргументированными.

Тема исследования в рамках, ограниченных форматом научной статьи, освещена полно, материал исследован.

Представленная статья соответствует всем требованиям, предъявляемым к научным статьям, размещаемым в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК России.

Кандидат юридических наук, адвокат Титов Н.Ю.